

№ 5

1873.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выдастъ 5 февраля 1873 года.

Годъ IV.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1873 году №№ „Нивы“.

О ВЪ ИЗДАНИИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	4 р. — к.	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію.	5 р. 50 к.
„ „ съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „ — „	IV. Заграницею: Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб., въ Голландіи, Бельгіи, Италиі, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.	
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Соловьева, А. Ланга или О. Мекленбурга	4 „ 50 „		
„ „ Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „ 50 „		

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—исключительно и прямо въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдующія подписныя деньги 5 р. 50 к. заблаговременно.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ВЪ КАМЫШАХЪ.

ПОВѢСТЬ

Н. Каразина.

(Продолженіе).

IV.

Соперники.

Никто въ мірѣ не могъ бы увѣрить Касаткина, что Наташа совершенно случайно, безъ всякой преднамѣренной цѣли, прошла мимо оконъ гостинницы.

— Она знала, что этотъ «писанный франтъ» остановился именно въ этой гостинницѣ!.. пробѣгало въ воспаленномъ мозгу ревнивца. — Еще разъ взглянуть захотѣлось, невидаль какая, петербургскій хлыщъ! горячился и бѣсновался Петръ Михайловичъ. Подъ окнами шляться! на показъ себя выставить: на-те молъ, вы пріѣзжіе, какія у насъ въ Чиназѣ красавицы водятся! Полюбуйтесь!... Эхъ-эхъ-эхъ! Господи, за что только ты меня такъ наказываешь!... самъ не понималъ, что толь-

ко лѣзло ему въ голову, Касаткинъ. — Ну погоди-же!... ну погоди-же!...

— Да ты, братецъ, плюнь!... Я тебѣ говорю, какъ честный товарищъ говорю—плюнь и выпей! приставалъ къ нему капитанъ Пуговицынъ.

— А ты думаешь что?—думаешь, не выпью? на-кось! И Касаткинъ залпомъ хватилъ стаканъ—первый что попался къ нему подъ руку.

— Не съ того начинаешь; не резонъ! провозгласилъ поручикъ Трубоченко.

— Оставь; все къ тому же знаменательно приведетъ, замѣтилъ адъютантъ и ловко срѣзалъ желтаго въ среднюю.

— Просты мы, глупы! степняки необразованные!... Любить-то насъ можно только пока кто лучше не подвернется!.. неистовствовалъ Касаткинъ.

Вкусивъ запрещеннаго плода, онъ не оставлялъ своей замашки и въ своемъ городѣ, а чрезъ это часто въ мѣсячной выручкѣ не оказывалось нужной суммы, для представленія строгому отцу. Просить въ займы у товарищей — онъ совѣстился и боялся чтобы не пошли дурные слухи. Въ такихъ затруднительныхъ положеніяхъ онъ прибѣгалъ къ дружбѣ Петра, продолжавшейся между обоими ими, къ его практическому уму и находчивости. Петръ выручалъ его подчасъ кровною деньгою, подъ часть займомъ на свое имя, или удачнымъ для друга оборотомъ, а въ крайнихъ случаяхъ отдачею заимообразно части выручки по своей лавкѣ, дрожа за собственную безопасность.

Михайлу такими глазами, что тому одна дорога, а ему другая. «Пусть пошалитъ, побалуется, — разсуждалъ онъ, — съ годами перемѣнится, остепенится...»

Переселеніе молодыхъ людей изъ города на пасѣку произошло по распоряженію Ивана Савельича, въ видѣ изгнанія и наказанія обоихъ. Виновникомъ всего былъ Михайла. При покупкѣ стени, луга и пасѣки, вблизи Кондуровки, у одного купца, старому Медвѣдкину сразу понадобилась капитальная сумма денегъ — и онъ внезапно приступилъ къ повѣркѣ всѣхъ денежныхъ книгъ и товаровъ въ лавкахъ... Предъ этимъ же Михайла на одной ярмаркѣ растратилъ крупный кушъ денегъ и позаимство-

Киргизы малой орды. Рис. съ натуры А. Калонъ, грав. Паннемакеръ.

Дружба между Петромъ и Михайломъ была вполне искренна, въ особенности со стороны перваго. Жизненный опытъ показываетъ намъ, что это чувство всегда прочнѣе между людьми совершенно разныхъ характеровъ. Петръ безкорыстно любилъ его какъ друга дѣтства, съ искрою благодарности за то, что, будучи хозяйскимъ сыномъ, Михайла смотритъ на него съ уваженіемъ, — но болѣе всего нравилась ему въ товарищѣ задушевная откровенность, полное довѣріе и словоохотливость, тогда какъ самъ онъ отъ природы былъ замкнутаго характера и малорѣчивъ. Не вполне испорченный Михайла, признавая неблаговидность своихъ поступковъ, уважалъ достоинства Петра, который, при этомъ, никогда не кололъ ему глаза и не читалъ скучной морали и сентенцій. Къ несчастію, дружбѣ ихъ пришлось повстрѣчаться съ этимъ подводнымъ камнемъ.... До нѣкоторой поры Петръ смотрѣлъ на

валъ ихъ у Петра, что вмѣстѣ съ прежними долгами составило сумму свыше полуторы тысячи рублей. Разновременно Михайла прокутилъ гораздо болѣе, но дефицитъ кое-какъ былъ пополненъ — немного имъ, а большею частью оборотами Петра, случалось и рискованными... Эта же сумма дефицита сдѣлана была въ непродолжительный періодъ за послѣднее время. Не предвидя такой неожиданности по повѣркѣ товаровъ и суммы по денежнымъ документамъ, Петръ и Михайла за недостаточностью времени не могли сдѣлать никакого изворота и весь недочетъ палъ на лабазъ Петра. Старикъ и удивился, зная его аккуратность, и пришелъ въ ярость... Онъ посадилъ его въ полицію и угрожалъ острогомъ и Сибирью. Вѣсть о мошенничествѣ Петра разнеслась по городу и этимъ спасла его, можетъ быть, отъ гибели. Нѣкоторые изъ среды богатыхъ купцовъ, товарищей старика, звав-

шіе о кутежахъ молодого Медвѣдкина, рѣшились открыть отцу глаза, чтобы онъ не грѣшилъ на прикащика, а раз-узналъ: не дѣйствія ли это его роднаго сына. Собственная увѣренность въ честности Петра, казавшееся ему и прежде по временамъ ненормальное состояніе сына и сильное смущеніе при недочетѣ въ лабазѣ, — заставили его поусомниться. Наконецъ и самъ Михайла во всемъ сознался. Проступокъ Петра этимъ уменьшался на много процентовъ. Сумма полторы тысячи была старику Медвѣдкину слишкомъ ничтожна, чтобы изъ за нея губить человѣка, преданнаго ему, семьянина и хорошаго торговца, за снисхожденіе къ его сыну, бывшему единственнымъ; остальные дѣти были у него все дочери, сче-томъ до шести—и одну изъ нихъ, перерѣзную дѣву, онъ онъ даже прочилъ за Петра. Кутежъ купеческихъ сынковъ такое частое явленіе, что на него ихъ родители смотрятъ весьма снисходительно. Иванъ Савельевъ пересталъ сердиться, но ему хотѣлось выдержать характеръ и показать на виновникахъ примѣръ строгости. Онъ отрѣшилъ сына и Петра ихъ занятій, но послѣдняго выпустилъ изъ поли-ции и велѣлъ ждать его распоряженій у себя на кух-нѣ, сына тоже не пускалъ на глаза, раздумывая какое бы дать имъ новое назначеніе, не упуская своихъ интере-совъ. Купленная пасѣка съ лугомъ, степью и кошарами для скота вывела его изъ затрудненія. Онъ могъ послать ихъ туда въ видѣ ссылки, чѣмъ показать строгость и ха-

рактеръ,—а между тѣмъ, тамъ нужны были люди распо-рядительные, трезвые и на добросовѣстность которыхъ онъ могъ бы совершенно положиться. Петръ, не смотря на свой проступокъ, казался ему именно такимъ человѣ-комъ. Онъ послалъ бы его туда во всякомъ случаѣ, такъ какъ замѣна его въ лабазѣ была возможна, а туда по-слать было некого; но и самому Петру управиться одно-му было тоже трудно, а потому онъ далъ въ помощь ему своего сына,—съ строгимъ наказомъ, что за малѣйшую вину каждый отвѣчаетъ другъ за друга, какъ за самого себя. Распрей между товарищами, по поводу назначенія Петра нѣкоторымъ образомъ старшимъ, не послѣдовало: купеческіе сыновья съ дѣтства привыкли подчиняться главнымъ прикащикамъ и играть въ собственныхъ лав-кахъ странную роль, между хозяевами и пѣшками; къ тому же, въ этомъ отношеніи Петръ умѣлъ хорошо дер-жать себя, какъ прежде, не забываясь; счета денегъ онъ всегда представлялъ, для передачи отцу, Михайлѣ. По-слѣдній тоже не вмѣшивался въ его распоряженія, имѣя къ порученному дѣлу мало охоты и сноровки; у него были свои собственные заботы.. Михайло былъ молодъ—и ему хотѣлось пожить... Перехожу теперь ко времени, когда въ дружбу молодыхъ людей западала темная тѣнь, нехи-чески повлекшая за собою катастрофу...

(Продолженіе будетъ).

По поводу кончины Наполеона III.

Актеръ великій геніальный—
Сошелъ со сцены наконецъ;
Окончилъ драмою печальной
Вглуши развѣчанный хитрецъ.

Еще при жизни рокъ суровый
Его за гордость покаралъ
И съ головы вѣнокъ лавровый
Какъ съ недостойнаго сорвалъ.
Тяжка была его кончина,
Печаленъ былъ его удѣлъ;
Кромѣ вдовы его и сына
О немъ никто не пожалѣлъ!

Онъ запыталъ свою корону,
Наслѣдства сына онъ лишилъ...
И къ императорскому трону
Седаномъ путь загородилъ.
Но въ бѣдствіи не унываетъ
Честолюбивая вдова—
И какъ регентша заявляетъ
На тронъ сыновнія права.

Жалка ты, экс-императрица,
Съ своей несбыточной мечтой;
Не лучше-ли тебѣ смириться
Передъ карающей судьбой?!

Когда бъ Наполеонъ героемъ
Въ Седанѣ голову сложилъ,
Тогда, быть можетъ, вамъ обоимъ
Французскій тронъ доступенъ былъ...
Теперь—ищите на чужбинѣ
Себѣ пріюта и друзей:
Вы чужды Франціи отнынѣ,
Расчетъ покончили вы съ ней!

Династіи Наполеона
Знать четное число не въ счетъ:
Второй былъ устраненъ отъ трона,
Четвертаго та жъ участь ждетъ.
Такъ бросьте жъ тщетныя усилія,
Ужъ снова не подниматься вамъ...
И грозный рокъ подрѣзалъ крылья
Наполеоновскимъ орламъ.

П—ъ.

Народы Россіи *).

ХII. Киргизы.

Находящаяся нынѣ въ Петербургѣ депутація Зайсан-скихъ и Усть-Каменогорскихъ киргизовъ, въ числѣ 16-ти человѣкъ, прибыла сюда съ тѣмъ, чтобы засвидѣтель-ствовать Государю Императору вѣрноподданническія чув-ства отъ имени первыхъ, которые лишь четыре года тому назадъ стали русскими подданными,—и благодар-ность послѣднихъ за дарованное имъ новое управление.

*) Прежнія статьи «Народы Россіи» см. «Нива» за 1870, 1871 и 1872 г.

Нѣкоторые изъ молодыхъ депутатовъ бѣгло говорятъ по русски; двое изъ нихъ кончили курсъ въ кокпектской школѣ, а одинъ выучился по русски въ домѣ своего отца.

15 октября 1872 г. депутаты выѣхали изъ Зайсана, и провели 12 дней въ Казани, гдѣ они заказывали та-тарскимъ портнымъ различное платье, прибыли 29 де-кабря въ Петербургъ. Проживъ нѣсколько дней въ бли-жайшей къ вокзалу желѣзной дороги гостинницѣ, они пе-решли въ наемную квартиру на Гороховой, неподалеку

отъ Каменнаго моста. Помѣщеніе это вовсе не роскошно, но вполне соответствуетъ киргизскимъ понятіямъ о комфортабельности. Самое лучшее въ этой квартирѣ для киргизовъ—отсутствіе лѣстницъ, которыя, при тучности депутатовъ, составляютъ для нихъ почти непреодолимое препятствіе.

Не малыхъ трудовъ стоило уладить имъ обѣдъ, наконецъ удалось все устроить по вкусу и желанію. Но ихъ національное блюдо (родъ густой, жирной лапши съ бараниной, кониной и говядиной) и способъ ѣды, при закоренѣлой привычкѣ обходиться безъ ножей и вилокъ, мало въ комъ способны возбудить аппетитъ.

Трудно представить полнѣйшее отсутствіе опрятности въ отношеніи носа и рта—при блескѣ и великолѣпнѣ ихъ наряда. Бархатъ, ярковышитый атласъ, шелкъ, богатство золотыхъ шнуровъ и позументовъ, шитыя золотомъ ермолки, обложенныя соболемъ шапки, блестящія сабли, цѣпочки и значки бѣловъ (судей), большія золотыя и серебряныя медали—все это производитъ необыкновенное впечатлѣніе.

До представленія Государю Императору члены киргизской депутаціи почти нигдѣ не показывались, кромѣ парада въ Зимнемъ Дворцѣ, а 7 января имѣли счастье представляться Его Величеству и до сихъ поръ еще на молитвѣ повторяютъ милостивый отвѣтъ «Бѣлаго Царя» на ихъ привѣтственные рѣчи.

Съ 9 января они стали осматривать достопримѣчательности города, Исаіевскій соборъ, музей Академіи наукъ, фарфоровый заводъ и проч. На печальную процессію выноса тѣла въ Бозѣ почившей Великой Княгини Елены Павловны они смотрѣли изъ оконъ Инженернаго замка—и надо было видѣть, какое изумленіе вмѣстѣ съ восторгомъ выразилось на ихъ лицахъ при видѣ Государя Императора, шествовавшаго за гробомъ.

17 января депутація представлялась Великому Князю Владиміру Александровичу, въ свитѣ котораго во время путешествія по степямъ въ 1868 году находились нѣкоторые изъ Усть-Каменогорскихъ киргизовъ. Одинъ изъ нихъ, Исламъ Алихановъ, привѣтствовалъ Великаго Князя по-русски отъ имени отца своего, бывшаго султаномъ коптескаго уѣзда и имѣвшаго счастье принимать у себя Его Высочество.

Громадная котловина, заключающаяся между Каспійскимъ моремъ, рр. Ураломъ, Ишимомъ, Тоболомъ и Иртышемъ и горными хребтами Алатовскимъ, Тянь-шанскимъ, Балорскимъ, Гинду-кушемъ и Паромизскимъ, когда-то называвшаяся Татаріею, а въ средніе вѣка — Джагатаемъ, нынѣ носитъ имя Арало-каспійской впадины. На пространствѣ 82,000 кв. миль эта впадина представляетъ одинъ и тотъ же характеръ, одну и ту же самую грустную, самую пустынную картину. Негостепріимность этой страны такова, что еще за двадцать вѣковъ до Рождества Христова Зороастръ увѣрялъ, будто это есть адъ, жилище Аримана; тутъ возсѣдалъ на своемъ тронѣ грозный духъ зла, а семь *даводъ* — князей тьмы, поддерживали этотъ тронъ. И дѣйствительно, эта страна можетъ показаться адомъ. Почва, составляя дно недавно-высохшаго моря, песчанно-глинистая или солонцеватая, при отсутствіи дождей и отъ чрезмѣрныхъ лѣтнихъ жаровъ высохла до того, что негодна для земледѣлія. Кромѣ этого, эта твердая, растрескавшаяся почва перерѣзана громадными полосами совершенно пустынной земли, какъ-то чистыми солонцами, либо сыпучими песками; такимъ образомъ, мѣста годныя для пастбищъ составляютъ оазисы, встрѣчающіеся въ болѣе сѣверной части низменности; попадаются и полосы пло-

дородной земли и небольшіе лѣса на холмахъ и горныхъ отрогахъ, разбѣянныхъ по этой пустынѣ. Добавьте къ сказанному невыносимый климатъ отъ 35° стужи—зимою до 50° жары на солнцѣ и до 34° въ тѣни—лѣтомъ; гибельныя бураны зимою и даже ночи удушливыя лѣтомъ; вообразите, что здѣшняя зима *однимъ только градусомъ теплѣе страшной зимы Новой Земли*, — и вы получите почти полную картину этого грустнаго, отталкивающаго края и вполне согласитесь съ древнимъ Зороастромъ въ томъ, что если уже поселить гдѣ нибудь дьявола, то лучшаго для него мѣста, какъ Аралокаспійская впадина, — не найдешь!

Какъ ни негостепріименъ этотъ край, какъ ни печальна должна быть жизнь въ немъ, а и онъ имѣлъ и имѣетъ своихъ обитателей. Издревле кочевали здѣсь калмыки, вытѣсненные въ свою очередь, лѣтъ 250—300 назадъ, пришедшими съ верховья Енисея другими кочевниками-киргизами, бытъ которыхъ находится въ полной гармоніи съ обитаемою ими страной.

Киргизы всѣ кочующіе. Предѣлами ихъ кочевокъ можно считать на сѣверѣ часть Алтайскихъ горъ, р. Иртышъ, потомъ такъ-называемую Горскую Сибирскую линію отъ Иртыша до Тобола, или до Звѣриноголовской крѣпости, отъ ней до устья р. Уя, р. Табалу, далѣе р. Уель и р. Уралъ, начиная отъ Спасскаго форпоста до Нижняго форпоста, потомъ р. Бердянку, Уралъ и Илекъ до устья послѣдняго и наконецъ опять Уралъ. Другіе предѣлы кочевокъ, кромѣ сѣверной, опредѣлить невозможно, потому что этотъ народъ разгуливаетъ по степи подобно вѣтру и такъ же какъ вѣтеръ неуловимъ.

Всѣхъ киргизовъ считается до двухъ съ половиною миллионъ душъ, изъ этого числа 2,200,000 находятся въ подданствѣ Россіи, а остальные 300,000 либо кочуютъ независимо на Усть-Уртѣ, либо признаютъ власть Хивы, Бухары и Кокана.

Сами себя киргизы называютъ казаками, что на тюркскомъ языкѣ означаетъ: бродяга. *Кыргызъ* (киргизъ) же называютъ себя кочевники совершенно инаго племени, обитающіе въ окрестностяхъ озера Иссы-кюль (т. е. Иссы-кюль, — горячая зола) и южнѣе его за Тянь-шаномъ, у Кашгара и на нагорной площади Паширь. — Русскіе называли, первыхъ: киргизъ-казаками изъ чего въ послѣдствіи вышло *киргызъ-кайсаки*, а потомъ опустивъ слово кайсакъ, просто киргизами. Собственно же киргизовъ называютъ *кара-киргызъ*, потому что ихъ *монаны* (правители) простаго происхожденія, а не *бѣлой-кости*, какъ султаны у киргизъ-кайсаковъ; затѣмъ *дика-каменными киргизами* называютъ киргизовъ, кочующихъ въ гранитныхъ горахъ, ихъ называютъ еще и по китайски: *Бурутъ*.

Киргизы принадлежатъ къ кавказской расѣ, потому что они относятся къ турецко-татарскому племени. Въ составъ русскаго государства вошли съ XV и XVI ст. при царяхъ Іоаннахъ III и IV. Но только при Петрѣ Великомъ, когда началось систематическое наше вліяніе на Среднюю Азію, киргизы поступили въ подданство Россіи, въ которомъ и остались до настоящаго времени.

Киргизскіе ханы еще въ 1717 году обращались къ Петру В. съ предложеніемъ принять ихъ въ подданство, но просьба ихъ была оставлена безъ вниманія; но когда конечные результаты изысканій о Средней Азіи, совершенныхъ по повелѣнію Петра, утвердили его въ выгодѣ имѣть въ ней полное русское вліяніе, тогда киргизскія степи получили для Россіи важное значеніе, представивъ собою лучший путь въ Среднюю Азію. Причина эта весьма

ясно изложена въ запискахъ Мурзы Тевкелеева. Онъ говоритъ: «Въ 1722 г., при Его Императорскомъ Величествѣ, блаженной и высокой славы достойная памяти Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, былъ я нижайшій въ персидскомъ походѣ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ персидскаго похода Его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для всего отече-

въ Астрахани, чрезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной Ордѣ, хотя-де она киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ она орда ключъ и врата».

По кончинѣ Петра Великаго, въ 1730 г. ханъ малой киргизской орды Абулъ-Хаиръ, утѣсняемый башкирами и калмыками, отправилъ къ намъ пословъ съ просьбою принять его въ подданство. Послали Тевкелеева — и благодаря

Киргизскіе школьники Рисов. съ натуры Фламанъ, грав. Паннемакеръ.

ства российской имперіи полезное намѣреніе, въ приведеніи издревле слышимыхъ и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ киргизъ-койсацкихъ ордъ въ руссiйское подданство, и оное свое монаршее особое, меня нижайшаго, къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде она орда въ точное подданство не пожелаетъ, то стараться миѣ, не смотря на великія издержки, хотя бы до милліона держать, но токмо, чтобъ однимъ листомъ подъ протекцію российской имперіи быть обязались, ибо, какъ его Императорское Величество Государь Императоръ Петръ Великій. въ 1722 г., будучи въ персидскомъ походѣ и

его ловкости и отвагѣ. въ 1732 г. были приведены къ присягѣ на русское подданство не только Малая орда, но и каракалпаци. Въ 1734 г. приняла подданство и Средняя орда.

Абулъ - Хаиръ, принимая подданство, обязывался: 1) охранять наши границы, смежныя съ киргизами, 2) охранять купеческіе караваны, идущіе чрезъ степь, 3) давать, въ случаѣ надобности, вспомогательное войско и 4) платить ясакъ звѣриными шкурами. За это онъ требовалъ утвержденіи ханскаго достоинства за нимъ и родомъ его навсегда и постройки при сіяніи р. Ори съ

р. Ураломъ крѣпости для его защиты. Условія были приняты—и мы въ теченіи почти столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абуль-Хаира, иногда на перекоръ волѣ народа и здоровой политикѣ, что и было причиною непрерывныхъ смутъ. Такъ тянулось дѣло до 1782 года, когда Екатерина II основала въ Оренбургѣ особое для киргизъ управленіе—*пограничную экспедицію*, въ послѣдствіи въ 1799 году замѣненную *пограничною комис-*

произошло въ 1812 году. Отдѣлившаяся часть киргизовъ получила названіе *внутренней* или *букеевской орды*, а Букей сдѣлался ханомъ.

Въ степи дѣла шли все хуже и хуже. Въ 1822 году сильныя роды чиклинецъ приняли подданство хивинскаго хана. Между нашими киргизами и киргизами считавшимся независимыми начались войны. Новый уставъ, 1824 года, для управленія киргизами не поправилъ дѣлъ.

Киргизъ-кайсаки. (Букеевская орда). Рис. съ натуры Г. Руссо, грав. Варбанъ.

сію, но дѣло отъ этого не подвинулось ни на шагъ къ лучшему; смуты и беспорядки продолжались. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія приступили къ сбору съ киргизовъ небольшой платы при перепускѣ скота чрезъ линію на зимовку; но сборы шли плохо, власть наша въ степи не увеличивалась, а напротивъ стали появляться между киргизами батыри, волновавшіе и грабившіе народъ; къ этому присоединилось и вмѣшательство хивинцевъ. Пользуясь этими смутами, султанъ Букей, желая получить ханское достоинство, уговорилъ часть киргизовъ, въ числѣ 7000 кибитокъ, перекочевать на правый берегъ Урала, что и

Въ 1825 г. киргизы атаковали нашъ караванъ прикрываемый 625 человѣками войска при 2 орудіяхъ и, послѣ тринадцатидневной остановки, караванъ побросавъ слишкомъ на полъ-милліона товаровъ, вернулся назадъ. Въ 1837 г. султанъ Каипъ, въ союзѣ съ двумя батырями Нестаемъ и Джуламаномъ сильно волновали степь. Въ 1838 появилось еще два батыря султанъ Касымъ и сынъ его Кенисаръ.

При управленіи Оренбургскимъ краемъ г. Обручевымъ, было предпринято устройство ряда укрѣпленій по оренбургской степи; а въ 1849 г. началось и заселеніе степи

казаками. Результатомъ было то, что между киргизами водворенъ порядокъ, а набѣги на нашу линію совершенно прекратились.

Въ 1857 г. при управленіи краемъ г. Катенина, устремлено было все вниманіе на то, что бы развить между киргизами хлѣбопашество а слѣдовательно и осѣдлость, которая рѣшительно парализовала вліяніе Хивы на киргизовъ. Но смерть Катенина положила предѣлъ этимъ начинаніямъ, а изысканія по этому предмету въ 1860 и 1864 годахъ обнаружили большія затраты, которыя приходилось бы сдѣлать, чтобы развить земледѣліе, потому что требовалось устройство огромныхъ плотинъ, дабы дать возможность орошать поля. Наконецъ, послѣ взятія нами Ташкента, Ура-тубе, Джюзакъ и распространенія нашихъ предѣловъ до Кашгаръ-Даванскихъ горъ, управление и киргизами подвинулось впередъ — и киргизы раздѣлены нынѣ на четыре орды, водворенныя въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) *Малая орда*, въ Тургайской области, въ вѣдомствѣ Оренбургскаго г. губернатора.

2) *Средняя орда*, или Сибирскіе киргизы, въ Акмолинской области.

3) *Большая орда или Дикокаменные киргизы*, въ Семирѣченской области и

4) *Букеевская или Внутренняя орда*, собственно называемая *кирмизъ - кайсацкая*, на земляхъ губерній Оренбургской, Самарской и Астраханской. Рынь - Пески, ставка хана.

Численность киргизовъ простирается: до милліона въ первыхъ трехъ ордахъ и 80,000 ч. въ ордѣ Букеевской.

Киргизы отличаются всѣми свойствами полудикаго народа. Религіозныя понятія ихъ очень невысоки, но они имѣютъ представленіе объ единомъ Богѣ. Хотя официально и считаются они мусульманами, но на дѣлѣ почти не знаютъ своихъ обрядовъ — и изъ пяти омовеній (намаза) исполняютъ только утреннія и вечернія молитвы. Религіозный индифферентизмъ киргизовъ могъ бы быть сподрученъ при водвореніи между ними цивилизующаго вліянія.

Женщины ихъ ходятъ съ открытымъ лицомъ и не изъяты изъ общества. Многоженство хотя и допускается, но какъ за жену надо заплатить выкупъ — *калымъ*, то оно доступно только богатымъ. Жена умершаго киргиза переходитъ къ его второму брату; по смерти этого къ третьему и т. д. по наслѣдству, т. е. она не свободна на всю жизнь.

Договоры о бракахъ совершаютъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ жениха и невесты. Въ расчетъ берутъ равенство состояній, а не лѣтъ. О калымѣ отецъ невесты, въ обществѣ всей родни, договаривается съ сторонниками жениха. Кромѣ этого, женихъ долженъ закупить разными подарками мать невесты и всѣхъ ея родственниковъ. Дѣло сватовства длится иногда годъ и болѣе. Въ это время братъ невесты имѣетъ право воровать у жениха что только ему угодно, но не попадаться; если же попадется, то невольный воръ будетъ избитъ не на животъ, а на смерть. Въ концѣ концовъ женихъ всетаки обязанъ увести невесту насильно и опять расточать подарки ея роднымъ.

Наслѣдство дѣлится такъ: старшій сынъ получаетъ все имущество отца, а другіе сыновья получаютъ только части изъ имѣнія ихъ матерей. По смерти мужа, жена сохраняетъ свое приданое.

Имена дѣтямъ даетъ мать и можетъ назвать ребенка, какъ только взбрѣдетъ ей въ голову; въ этомъ случаѣ совершаются такого рода куріозы, что вдругъ придетъ въ

голову матери назвать ребенка напимѣръ «*собачья нога*», ну и слыветъ онъ всю жизнь собачьей ногой.

Когда минетъ мальчику три года, мулла производитъ надъ нимъ обрѣзаніе.

По смерти киргиза, жены его должны плакать и голосить по покойному, въ теченіи цѣлаго года, ежедневно утромъ и вечеромъ. Могила киргизскія устраиваются на возвышенныхъ мѣстахъ и украшаются *мазаркомъ*, т. е. памятникомъ, какимъ кто можетъ. Черезъ 40 дней послѣ смерти дѣлаютъ поминки — на нихъ непременно устраиваются *байги*, т. е. скачки, безъ которыхъ не обходится ни одно празднество въ Средней Азіи.

Уваженіе къ старшимъ сильно развито у этихъ номадовъ. На пирахъ почетнѣйшему лицу выказывается особенное уваженіе тѣмъ, что подавая ему чашку съ мясомъ, въ нее кладутъ голову зарѣзаннаго животнаго. Уважаемыя лица за парадными обѣдами кормятъ изъ своихъ рукъ младшихъ себя, кладя имъ мясо прямо въ ротъ. Этикетъ требуетъ, чтобы удостоиваемый этой честью, подползалъ для полученія подачи на колѣнахъ. Слуги и нищіе стоя или сидя ожидаютъ, что имъ кто нибудь изъ пирующихъ броситъ кусокъ мяса или кость. Остатки пира слѣдовательно принадлежатъ этой голодной братіи и женщинамъ.

Кочевая жизнь требуетъ и такого дома, который бы могъ переноситься съ мѣста на мѣсто. Этому требованію вполне удовлетворяетъ *юрта* или *кибитка*; устройство ея у всѣхъ кочевниковъ одинаковое, а поэтому и не требуетъ особаго описанія, тѣмъ болѣе, что въ журналѣ «Нива» кибитка подробно описана въ этнографическомъ очеркѣ калмыковъ.

Пищу киргизовъ составляетъ сушеное просо, иногда отваренное въ кобыльемъ молокѣ, что называется *куртъ*. *Нанъ*, т. е. чурекъ употребляется мало; по праздникамъ угощаются киргизы мелкими кусочками мяса, зажареннаго въ салѣ, что называется *Беиш-бармакъ* (пять пальцевъ). Питье — кумысъ.

Одежда состоитъ изъ *чапановъ*, т. е. длинныхъ халатовъ изъ бумажной матеріи, армячины, а у богатыхъ изъ шолковой матеріи и бархата. Чапанъ надѣвается прямо на голое тѣло. Весьма недавно богатые киргизы начали носить рубашки, вродѣ носимыхъ татарами. Шаровары дѣлаются изъ бараньей кожи, вышитой яркими рисунками. Сапоги и иногда калоши — *ичагъ*. Чапанъ опоясывается кожанымъ поясомъ, на которомъ находится мѣшочки и сумочки съ ножомъ, огнивомъ, гребнемъ и проч. и проч. Этотъ поясъ называется *калта*. На бритой головѣ находится тюбетей, т. е. маленькая ермолка, поверхъ которой лѣтомъ надѣвается островерхій войлочный колпакъ, а зимою папахъ мѣхомъ внизъ. Женщины одѣты почти одинаково съ мужчинами. Голова, поверхъ шапочки, закутана въ бѣлое полотно вродѣ чалмы. Волосы заплетаются въ мелкія косички и украшаются монетами и разными побрякушками. Такія же монеты, бусы и въ особенности кораллы носятъ на шеѣ.

Оружіе киргизовъ составляетъ *найзъ*, т. е. длинная пика, *кычъ* — сабля и *мултыкъ* — ружье; все это приобрѣтается отъ русскихъ. Къ оружію можно отнести и *камча*, т. е. нагайку, потому что она имѣетъ до дюйма въ діаметрѣ и ею весьма легко убить кого угодно; стоитъ только дать добрый ударъ по головѣ.

Какъ всѣ номады, киргизы — отличные наѣзники.

Киргизы отличаются лѣнностію, апатіей и мстительностію. Ложь — неотъемлемое ихъ качество, вошедшее въ плоть и кровь. Воры по природѣ, они трусливы, хотя рѣдко можно найти такихъ хвастуновъ какъ они. Лѣнь

рождает скуку, а скука страсть къ сплетнямъ и новостямъ — *хабаръ*. Это доходитъ у нихъ до страсти, передъ которой пасуетъ и прирожденная скупость киргиза: разсказчика непременно угостятъ обѣдомъ. Слушатель, подхвативши новость, мчится въ другой аулъ сообщить ее знакомымъ, его тоже угощаютъ, — и съ невѣроятною быстротою «хабаръ» облетаетъ степь и отъ обѣда до обѣда разрастается до колоссальныхъ размѣровъ.

Киргизы склонны къ цивилизаціи и грамотность у нихъ

пускаетъ уже ростки. Въ 1850 г. устроена для нихъ школа въ Оренбургѣ; въ 1861 г. открыта новая школа въ Троицкѣ; кромѣ того, въ Оренбургскомъ военномъ училищѣ учреждено 20 вакансій для киргизскихъ дѣтей. Хотя еще въ 1858 году Высочайше разрѣшено устроить въ степныхъ укрѣпленіяхъ: Уральскомъ, Оренбургскомъ, въ фортѣ № 1 и Перовскій училища, но это еще и понынѣ не кончено.

(Окончаніе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ послѣднихъ числахъ декабря прошлаго года, въ одной изъ залъ Академіи художествъ, открылась вторая выставка картинъ, устроенная товариществомъ передвижныхъ выставокъ. Прошлогодняя коллекція картинъ успѣла побывать въ лучшихъ губернскихъ городахъ нашихъ: Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, и, какъ слышно, вездѣ была принята радушно. Сборъ въ этихъ городахъ, доставленный довольно многочисленными поспѣтителями, превзошелъ ожиданія даже самихъ участниковъ предпріятія, поощривъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ дальнѣйшей дѣятельности на избранномъ пути. Дѣятельность же эта во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полного сочувствія. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не благодарить товарищество, поставившее себѣ цѣлью знакомить публику съ успѣхами и развитіемъ нашего молодого искусства, — особенно въ виду услугъ, оказываемыхъ товариществомъ нашей провинціи, далеко не изоблаванной въ дѣлѣ искусства и, какъ извѣстно, лишенной возможности любоваться художественными произведеніями даже въ сколько-нибудь сносныхъ копіяхъ. Между тѣмъ, наше юное искусство, приобщившись къ общему движенію и духу времени, выходитъ, какъ видно, на настоящую дорогу и является однимъ изъ такихъ образовательныхъ средствъ, которымъ пренебрегать отнюдь не слѣдуетъ. Съ этой точки зрѣнія, выставка художественныхъ произведеній вообще, а картинъ въ особенности, помимо доставляемаго ею чисто эстетическаго наслажденія, имѣетъ еще и значеніе облагораживающее, цивилизующее.

Воздавъ должное товариществу за его прекрасную задачу, обратимся теперь къ самой выставкѣ. Обычнаго поспѣтителя академическихъ залъ прежде всего поражаютъ скромные размѣры нынѣшней передвижной выставки, которая почти въ шесть разъ менѣе ежегодныхъ выставокъ, устраиваемыхъ Академіею. Не болѣе 45 картинъ, выставленныхъ въ настоящемъ году товариществомъ, не занимаютъ и половины большой академической залы и не отличаются величиною своихъ холстовъ; точно такъ же не могутъ похвалиться онѣ и щеголеватостью или громкозвучностью своихъ сюжетовъ. Въ выставкѣ приняли участіе болѣе 20 художниковъ, между которыми есть имена, составившія себѣ почетную и вполне заслуженную извѣстность, каковы: Ге, Перовъ, Крамской, Мясоедовъ, Маковскіе, Шипкинъ, Боголюбовъ, М. К. Клодтъ и другіе. Большинство картинъ составляютъ пейзажи (числомъ до 20), второе мѣсто принадлежитъ портретамъ, почти исключительно однихъ русскихъ писателей, наконецъ слѣдуютъ этюды съ натуры и жанръ. Картины послѣдняго рода, какъ извѣстно, наиболѣе цѣнимыхъ публикою, весьма мало, говоря строго — никакъ не болѣе 5—6; но за то эти немногія отличаются большимъ мастерствомъ письма и правдивостью сюжетовъ, хотя и не особенно глубокихъ.

Наиболѣе значительный вкладъ въ сокровищницу нынѣшней выставки сдѣланъ все тѣмъ-же неутомимымъ

и талантливымъ г. Перовымъ, а за нимъ гг. Боголюбовымъ и Крамскимъ. Гг. Перовъ и Ге ограничились на этотъ разрядъ одними портретами, которыхъ представили цѣлыхъ 9; между ними особеннымъ сходствомъ, типичностью и удачно выбранной обстановкой отличаются портреты М. П. Погодина и Ф. М. Достоевскаго. Почтенный историкъ изображенъ въ халатѣ и съ посохомъ въ рукѣ, что придаетъ портрету много жизни и естественности. Сгорбленная, худощавая фигура автора «Записокъ изъ мертвого дома», въ сѣромъ пиджакѣ, съ болѣзненнымъ взглядомъ, впалыми щеками и болѣзненною же выразительностью всего лица, производитъ не малое впечатлѣніе на зрителя. По художественному воспроизведенію характера и необыкновенно вѣрному колориту — это едва-ли не самый лучший изъ всѣхъ когда-либо появлявшихся въ залахъ Академіи портретовъ. Портретъ И. С. Тургенева, нарисованный тѣмъ же г. Перовымъ, кромѣ схода, отличается еще большимъ изяществомъ посадки и вообще всей фигуры знаменитаго нашего писателя. Выставленные г. Ге портреты гг. Салтыкова (Щедрина) и Некрасова также недурны, особенно первый, глазамъ котораго художникъ сумѣлъ придать особенный воспаленный оттѣнокъ. Чрезвычайно хорошъ также портретъ нѣкоего г. Камынина, изображеннаго г. Перовымъ.

Не останавливаясь на другихъ портретахъ, тоже болѣе или менѣе примѣчательныхъ, обращаемся къ картинамъ въ русскомъ жанрѣ, считающимся наиболѣе вѣрными и наиболѣе яркими выразителями успѣховъ отечественнаго искусства. Первою въ этомъ родѣ, и по величинѣ, и по достоинству, должна быть поставлена картина г. Мясоедова подъ названіемъ «Уѣздное земское собраніе въ обѣденное время». Представленъ проспѣй травой дворикъ уѣздной земской управы; направо крыльцо, около котораго, въ тѣни, расположились гласные отъ крестьянъ и закусываютъ чѣмъ Богъ послалъ, т. е. хлѣбомъ и лукомъ. Дворянскіе гласные обѣдаютъ въ самомъ зданіи управы, о чемъ свидѣлствуютъ красующіеся въ растворенномъ окнѣ графины и бутылки. Фигуры и позы крестьянскихъ гласныхъ необыкновенно типичны и разнообразны; подобную коллекцію чисто русскихъ лицъ мы встрѣчали только на извѣстной картинѣ г. Дмитріева - Оренбургскаго «Утопленникъ». На лицахъ почти всѣхъ гласныхъ виднѣется озабоченность, усталость и скука; cadaго гнететъ мысль объ оставленномъ хозяйствѣ, которое брошено на произволъ судьбы, а самъ хозяинъ отправился на безвозмездную земскую службу, чтобы *повздыхать* въ собраніи, слушая пренія «господъ» о неудобствахъ переложенія натуральныхъ повинностей въ денежные или о томъ, что образованіе народа есть дѣло сословное, а потому и средства на него должны давать одни только крестьяне... Остальныя картины изъ русскаго быта, какъ-то: «Нищія», «Егеръ», «На дачѣ», «На праздникѣ» и проч., хотя написаны и не дурно, но представляютъ весьма мало содержанія; а потому

Годъ IV.

Библиотека "Руниверс"¹⁵

единенныхъ Штатовъ; каждое утро въ 10¹/₂ часовъ на нее нашиваютъ булавками разноцвѣтные флажки въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ находятся метеорологическія обсерваторіи. Всѣ эти обсерваторіи въ 10 часовъ утра присылаютъ телеграфическія депеши о состояніи у нихъ погоды. Въ Нью-Йоркѣ прекрасная, ясная погода — на него нашиваютъ голубой флажекъ; въ Санъ-Франциско небо пасмурно — къ нему пришиваютъ сѣрый флажекъ; въ С. Луи идетъ дождь — это обозначается чернымъ флажкомъ, на-

конецъ въ Бостонѣ идетъ снѣгъ — на немъ стоитъ бѣлый флажекъ.

Вашингтонцу, у котораго въ этихъ мѣстахъ друзья или родные, стоитъ въ 10¹/₂ часовъ утра справиться съ этой картой — и онъ будетъ знать, какая у нихъ погода. Въ Бостонѣ у него замужемъ дочь; взглянувъ на карту, онъ думаетъ про себя: «Ну, вотъ сегодня Мери обновить шубку, что я подарилъ ей. Въ Бостонѣ идетъ снѣгъ».

Резервуаръ въ Лазенкахъ въ Варшавѣ. Рис. Ал. де-Баръ, грав. Паннемакеръ.

Народы Россіи.

ХІІ. Киргизы *).

(Окончаніе).

Хотя классъ земледѣльцевъ — *игинчей* — существуетъ искони, но земледѣліе не идетъ между киргизами впередъ; не идетъ потому, что соха внушаетъ имъ отвращеніе, еще болѣе омерзительное для нихъ въ силу словъ корана: «вездѣ гдѣ проникаетъ это оружіе (т. е. соха) — оно несетъ за собою позоръ и рабство». Изъ этого выходитъ то, что только самые горькіе бѣдники берутся за земледѣліе и тотчасъ бросаютъ его, какъ состояніе ихъ поправится.

Киргизы засѣваютъ преимущественно просо, какъ главный предметъ ихъ пропитанія, затѣмъ пшеницу и ячмень для лошадей. Благодаря нашему вліянію, они начали засѣвать рожь и картофель, который на Куванѣ-Дарѣ рождается очень хорошо.

*) См. № 5 „Нивы“.

Скотоводство распространено далеко болѣе чѣмъ земледѣліе. Породы скота слѣдующія: овцы, лошади, верблюды, рогатый скотъ, ослы и козы.

Порода овецъ одна: *курдючная*. Она дѣлится на два вида: *казакъ-кой* — киргизская овца и *узбекъ-кой* — княжеская овца. Первая отличается лучшимъ качествомъ шерсти и превосходнымъ мясомъ.

Лошади представляютъ такъ-называемую *киргизскую* породу. Порода эта полудикая и отличается рѣдкой сносливостію; кони могутъ пробѣгать по 100 верстѣ безъ корма, воды и отдыха.

Верблюды двухъ видовъ: двугорбые и одногорбые. Киргизы скрещиваютъ эти двѣ породы — и тѣмъ улучшаютъ.

Ослы весьма рѣдки у киргизовъ и встрѣчаются только у земледѣльцевъ.

Рогатый скотъ и козы разводятся въ огромномъ количествѣ съ недавняго времени и особенно между бѣдными, которые замѣняютъ рогатымъ скотомъ лошадей, такъ какъ содержаніе его проще, а выгода значительнѣе.

Изъ особыхъ обрядовъ киргизовъ заслуживаютъ описаніе ихъ похоронъ и ихъ вѣрованія въ чародѣевъ.

Киргизы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе, могилы осыпаютъ камнемъ и землею, а иногда ставятъ надъ ними зданія изъ дерева, дикаго камня или землѣбитнаго кирпича. Посрединѣ этаго зданія кладется на коврѣ тѣло умершаго; родственники и друзья покойнаго изъясняютъ знаки своего сокрушенія и внимаютъ молитвѣ, читаемой муллою. Мулла прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство и храбрость. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, наслѣдникъ покойнаго обязанъ устроить пиръ, который ему стоитъ не дешево. Основаніемъ праздника должна быть награда тѣмъ, которые, при огромномъ стеченіи народа, выйдутъ побѣдителями изъ скачки, для которой каждый приготавливаетъ себѣ лучшую лошадь, не исключая и самого наслѣдника. Чтобы не было споровъ и распрей, избираютъ двухъ судей изъ самыхъ почетныхъ лицъ.

Одинъ изъ наслѣдниковъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начинается скачка; другой—тамъ, гдѣ назначено съѣзжаться. Имъ неизвѣстно, какое число верстъ составляетъ это разстояніе; оно иногда доходитъ до сорока верстъ. Соперники ѣдутъ сначала очень тихо, съ вечера до другаго дня; а въ этотъ день, когда спадетъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать обратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ назначенныя имъ награды и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ, сопровождающійся по окончаніи разными играми. Первому прискакавшему даютъ раба, второму—панцырь, третьему—верблюда, четвертому—краснаго сукна чепанъ и богатую шапку, а пятому—лошадь съ сѣдломъ. Сверхъ этого, наслѣдникъ имѣнія обязанъ выставить народу лучшія сокровища покойнаго. Любимая лошадь усопшаго должна стоять въ самомъ богатомъ убранствѣ, покрытая черною попоною; на другихъ верховыхъ лошадяхъ раскидываютъ лучшія одежды покойнаго, его оружіе, ковры и т. п. Остальныя вещи развѣшиваютъ на протянутой веревкѣ: далѣе стоятъ его жены, надрывающіяся отъ слезъ, и его челядинцы, если они есть.

Этотъ обрядъ имѣетъ цѣлю показать всѣмъ присутствующимъ, что оставилъ по себѣ покойный въ наслѣдство, и тѣмъ упрочить его память и уваженіе къ нему. Надъ кибиткою умершаго ставится шесть съ чернымъ полотномъ, какъ знакъ сокрушенія объ немъ осиротѣлой семьи.

Какъ всякій полудикій народъ, киргизы твердо вѣрятъ въ ворожбу и чародѣевъ, которые у нихъ дѣлятся на пять разрядовъ.

Первый разрядъ чародѣевъ называется *Фалча*; они предсказываютъ будущее по особымъ книгамъ и звѣздамъ. Это искусство возводится въ науку.

Второй разрядъ—*Ярупчи*, предсказываютъ по бараньей лопаткѣ. Для полученія такой вещи изъ лопатки, ее надобно скоблить ножомъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо въ противномъ случаѣ она не годится къ чародѣйству. Если чародѣю предложить вопросы, или онъ самъ что нибудь задумаетъ, то кладетъ лопатку на огонь и ждетъ пока на плоской сторонѣ появятся трещины, по которымъ онъ и дѣлаетъ свои предсказанія. Киргизы увѣряютъ, что Ярупчи такъ свѣдуши, что знаютъ какъ далеко ушелъ человѣкъ, отправившійся въ путь.

Третій разрядъ—*Бакша*, и киргизы болѣе всѣхъ имъ вѣрятъ. Если спросить у нихъ совѣта, то они велятъ сперва привести хорошую лошадь, козла или барана для принесенія въ жертву, потомъ начинаютъ пѣть заклинательные стихи, при чемъ бьютъ въ тактъ въ *кобицъ*,—волшебный барабанъ, обвѣшанный кольцами,—и напоследокъ скачутъ и ломаются. Вся эта комедія продолжается съ полчаса, потомъ убивается приведенная жертва, изъ которой кровь выпускаютъ въ особый сосудъ; кожу чародѣй беретъ себѣ, а мясо ѣдятъ всѣ присутствующіе. Потомъ собираютъ всѣ обглоданныя кости, пестрятъ ихъ синею краскою и бросаютъ къ западу отъ себя; туда же выливаютъ и выпущенную изъ жертвы кровь. Потомъ колдунъ дѣлаетъ еще нѣсколько заклинаній и даетъ отвѣты на вопросы.

Четвертый разрядъ чародѣевъ—*Рамча*. Рамча, для волхвованія льетъ коровье масло на огонь, и по цвѣту пламени предсказываетъ будущее; при этомъ также приносится жертва и совершаются заклинанія. Къ этимъ волшебникамъ киргизы не питаютъ особеннаго довѣрія.

Пятый разрядъ чародѣевъ—*Джа-адугаръ*, они очаровывали прежде невольниковъ и плѣнныхъ, которыхъ имѣли киргизы. Въ силу ихъ чаръ, плѣнники не могли будто-бы никуда уйти, а убѣгая, снова попадались въ руки ихъ прежнихъ хозяевъ или вообще киргизъ. Чтобы достигнуть этого, чародѣи вырываютъ у плѣнника нѣсколько волосъ, спрашиваютъ его имя и ставятъ посреди кибитки, на расчищенномъ и посыпанномъ золою мѣстѣ, на которомъ обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ дѣлаютъ заговоры, и въ это время приказываютъ плѣннику трижды отступить назадъ, плевать на свои ступни и каждый разъ выскакивать изъ кибитки. Наконецъ сыплютъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и этимъ колдовство оканчивается.

И всему этому вѣрится тепло и искренно—такъ присуща человѣку вѣра въ чудесное!

Винокуренныя тайны.

Букодолинское дѣло.

(Продолженіе).

Зимой 1871 года я охотился съ гончими. Погода была, какъ выражался мой пріятель, «такая, словно ее нарочно для охоты выликали изъ Парижа». Ни малѣйшаго вѣтерка и Реомюръ стоялъ на 0. Собаки гоняли безподобно, и каждый звѣрь былъ убиваемъ почти на первомъ кругѣ. Часу во второмъ отдѣлившаяся собака подняла какого-то

звѣря и погнала по зрячему. Скоро однако къ этому страстному соло стали присоединяться другіе голоса, все больше и больше, пока не подбыли всѣ остальные собаки и не слились въ общій музыкальный концертъ. Я стоялъ, притаивъ дыханіе, и въ восторгѣ, любуясь мелодичнымъ хоромъ дружеской стаи, съ томительной дрожью ожи-